

Жизнь под тремя фамилиями

В семье Сабельфельд

Я родился в немецкой автономной республике, в деревне Сабуровка, которая стояла в степи. В моей детской памяти мало что сохранилось. Родителей помню смутно. Знаю, что отца звали Густав, маму - Эмилия. Они работали. Со мною дед занимался. Меня на плечах с собою везде таскал. Вспоминаются горы зерна. Молотилка пыхтит. Магазин. Вкусная конфета. Много лошадей. Овцы, куры. Летом солнце. Жарко. Горячий ветер. Туча пойдет, гроза отгремит, дождь прольется. И снова солнце.

Все оборвалось в 1927 году. Зажиточные семьи раскулачивали. Отца ночью увезли, и мы его больше никогда не видели. Дом и имущество забрали. Старший брат Карл ушел в Саратов, там жил, но во время войны его в трудовую армию забрали на шахту в Тульскую область. Там потом и жил. Сестра в другую деревню замуж вышла. С той поры и потерялась. Мама осталась с двумя малышами - я и только что родившаяся сестренка. Голод был. Неурожай. Мужиков не только у нас забрали. Мы просили есть. Но кормить нас было нечем.

В семье Франц.

В деревне Боаро жила наша тетка. Тоже Эмилия. Она-то и взяла меня в семью. Своих детей у нее с мужем Артуром не было. Они работали в колхозе и вскоре меня усыновили. Фамилию Сабельфельд мне сменили на Франц. Я был маленький. В угол забьюсь. Плачу, хотел к маме. Но вскоре узнал, что сестренка умерла от голода. Потом мне сообщили о печальной участи моей мамы - пошла по осени собирать какие-то травы для еды. Присела под стог отдохнуть... Там ее и нашли.

Меня несколько лет трясла малярия. Новые родители делали все, чтобы я поправился. В школу пошел в 9 лет. Постепенно все плохое забывалось. Колхоз был на хорошем счету. На трудодни получали зерно, подсолнечные семечки, кукурузу. Свое хозяйство держали - корову, овец. Около дома картофель сажали. В колхозе выделялась земля под бабчу - арбузы, дыни. Была своя машинно-тракторная станция. На полях работали тракторы, комбайны. Осенью проводились праздники урожая. Лучших тружеников поощряли. Свой духовой оркестр был. Как-то радостно стали жить.

Но в 1937 году папу Артура, так я его теперь звал, забрали. Он во время первой мировой войны воевал за Россию. Оказался в плену в Австрии. Домой на Поволжье вернулся, когда обменивались пленными. Почему об этом снова вспомнили? Не знаю. Но забрали. Вся деревня его жалела. Затаилась. По утрам потихоньку узнавали, кого еще из мужиков увезли... И увозили. А он канул, как камень в воде! Больше его и не видели. Мать горевала. Спасала работа. Летом день на полях в колхозе кукурузу тьяет, подсолнух пропальвает. Трудодни зарабатывает. Зимой прядет шерсть с овец на носки, свитера, обрабатывает ее на самокатные валенки.

Корова была на мне. Летом по неудобьям косил траву и сушил на сарае для зимы. Осенью солому с мякиной с полей в мешках на тележке домой подвозил. Опять же запас на зиму. С водой проблемы были. Один колодец на всю деревню. Воду для домашних нужд мне приходилось возить. На тележке в деревянном бочонке. В общем, за отца был.

В школу ходили пешком за 3, 5 километра. Кругом степь. Ни кустика. Только волки рыщут. Один раз школьников кое-как отбили от них. После этого колхоз стал выделять автобус. Я успел закончить шесть классов. Русский язык уже немного тоже знал - учили в школе. А так вся деревня на немецком языке разговаривала.

О нападении немцев узнали во время праздника после посевной 22 июня. Председатель колхоза получил сообщение и объявил нам. Молодые парни по повесткам уходили на фронт. Но это была еще не вся беда.

Появился Указ Верховного Совета СССР. О немцах Поволжья. Фашисты шли на Сталинград. И путь их лежал через нашу республику. В Указе говорилось о том, чтобы вывезти всех немцев в Сибирь, Казахстан. Для избежания кровопролития. Начали готовиться к отъезду. Солили мясо. Стряпали сушки. Сушили сухари. Подготавливали одежду.

Как-то сильно не волновались – верили, что, как обещали, перевезут всей деревней на новые места, помогут поселиться. Понимали, что война. Просто молча все переносили. Остались старики, женщины да дети.

Помню путь на машинах к железной дороге. По ней добрались до Новосибирска. Пережили тяжелую зиму в одной деревне, где работали в колхозе. Картошка была слаще всего - ею и питались, за нее нанимались солдаткам дрова заготовить, сено подвезти. Русские к нам хорошо относились. Понимали, что тоже нелегко приходится. Уважали за хорошую работу.

Весной с мамой огород засадили картошкой. Летом на покосе работали. Но зимовать не пришлось. Часть немецких семей забрали на пароход и повезли вниз по Оби до Шпалозавода Парабельского района. В том числе и нас.

И стал я Новосельцевым.

На Шпалозаводе в Парабельском районе высадили всех на берег и велели размещаться в клубе. Там и расположились. Один на одном. Все припасы были уничтожены. Люди обессилили. Многим было уже все равно. Устали!

Мне исполнилось 16 лет, и на все смотрел проще. Когда пригласил председатель Алатаевского колхоза рыбачить, согласился. Надеялся, что около реки с голоду не умру и матери смогу помочь.

Мне, конечно, здесь все было дивно. И тайга, и река большая. Разливы весной. Гнуса много! И еще отсутствие солнца в течение несколько дней. И мелкие затяжные дожди. Начал рыбачить. Потом летом ставили метать сено. Вдвоем с напарником до 10 стогов сметывали по 2 тонны каждый. Наверху стогоправ - какая-нибудь молоденькая девчонка или женщина. На зиму направляли на Пайдугу Парабельского леспромхоза Нарымского сельсовета. На лошадях возил лес с делян для сплава весной. На лесозаготовках работал. Там и встретил свою судьбу- красавицу Веру Новосельцеву.

С1949 года стали жить вместе. Дети появились. Но не разрешалось мне, как ссыльному, детей на свою фамилию записывать. Да и документов у меня никаких не было. Паспорт выдали только после снятия комендатуры в 1956 году. Вот тогда и расписались. Трое детей уже носили фамилию матери- Новосельцевы. Подумал я подумал, посоветовались с женой, да и решил сам эту фамилию взять. Стал Новосельцевым. Злые языки по этому поводу судачили. Байки всякие придумывали. А мы Верой Николаевной жили и не тужили. Хоть горшком назови, только не в печь! Еще троих родили.

Вся дальнейшая жизнь прошла в селе Алатаево. Полюбил я этот край. Душе простор. Красиво! Край богатый. Рыбалка. Бор с кедром, грибами. Ягода по берегам рек и болотам. Все есть. Только не ленись. И работали, и хозяйство держали.

Привык к суровым зимам и гнусу летом. Не замечаю. Вроде не последний человек. За работу медалей нет, но и плохого обо мне никто не говорил. Выучился на тракториста - на технике стал работать. Был механиком. На пенсию ушел в 1980 году с должности электрика.

Вот такая она была моя судьба. Дети тоже к жизни приспособлены. Да и понятно. В труде выросли. А труд он любого человека не портит. Не то, что сейчас - судьба людей испытывает бездельем.

Запись, литературная обработка краткий комментарий в конце воспоминаний Н. Голощаповой.

Чем дольше живу, тем с большим уважением отношусь к пожилым людям. Общение с ними каждый раз убеждает: нет простых судеб, нет в жизни легких путей. У каждого свой крест. И несут они его достойно, не теряя человеческого облика. Пример тому - семья Новосельцева Николая Артуровича. Трудяга. Настоящий сибиряк. Отец шестерых детей, дед двенадцати внуков, прадед – четырех.

Во время нашего разговора у Николая Артуровича не раз наворачивались слезы. Душа-то живая. Тронь - болит. Но в глазах сохранялись добрый свет и мудрость прожитых лет. Нет зла, ненависти, равнодушия. Человек просто жил, достойно переносил то, что подкидывает жизнь. И умел видеть за тучами солнышко. И радоваться ему.